

Хроники полукровок

Андрей Кивинов

Три маленькие повести о любви

«Автор»

Кивинов А. В.

Три маленькие повести о любви / А. В. Кивинов — «Автор»,
— (Хроники полукровок)

© Кивинов А. В.

© Автор

Содержание

ИНТЕРВЬЮ	5
ЛИЧНОЕ ДЕЛО	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Кивинов

ИНТЕРВЬЮ

– Я люблю тебя...

Нисколько в этом не сомневаюсь. Антон не умеет притворяться. По крайней мере, передо мной.

Я тоже. Перед ним.

Я чмокаю его в небритую щеку, хватаю сумочку и выбегаю за дверь. Он кричит с порога:

– Позвони, я буду дома.

– Хорошо, – отвечаю я с площадки, – позвоню.

Я не знаю, когда вернусь, интервью может затянуться, все-таки персона VIP. Они все занятые, эти персоны, и вечно опаздывающие. Особенно те, кто с политическим уклоном. Но ничего не поделать, я заинтересована в разговоре, приходится подстраиваться. Редакторскому заданию в зубы не смотрят. В конце концов, это моя работа.

Наверное, я зря нацепила эти ажурные колготки. Они ужасно мешают разговору. Юрий Сергеевич вынужден постоянно отвлекаться, а потому все время сбивается с мысли. Вот и сейчас. Ссылается на слабеющую память и сумасшедший денек. Да какая там слабеющая память, вам еще и сорока нет, Юрий Сергеевич. И денек не может быть сумасшедшим, он только начался. Я не тороплю. Вставляю в мундштук «Парламент», прикуриваю. Поправляю юбку.

– Видите ли, Жанна, – Юрий Сергеевич нехотя отрывает взгляд от колготок и возвращается к разговору, – проблема, которую вы хотите затронуть, слишком серьезна, и ее нельзя осветить в течение часа.

– У меня время не ограничено... Я беру со стола изящную фарфоровую чашечку и делаю маленький глоточек. Затем облизываю кончиком языка краешек, чтобы не осталось следов помады.

– Да, у вас – конечно. Но дело даже не во времени. Здесь надо прочувствовать ситуацию, понять ее кожей. Даже я, человек, которого считают профессионалом, не взялся бы изложить свою точку зрения на бумаге. Поверь, тут еще очень много темных пятен. Люди будут смеяться, не говоря уже о судебных исках.

Я не обращаю внимания, что Юрий Сергеевич перешел на «ты».

– Мне нет нужды углубляться в подробности, – возражаю я, поправляя лямочку лифчика, нечаянно выглянувшую в декольте. – Моя задача только поднять проблему, расставить акценты. Читатель сам сделает выводы. Этим журналистика и отличается от строго документальной прозы. А вы ведь действительно профессионал, Юрий Сергеевич, и к тому же человек с именем. Зачем нам ковыряться в каких-то цифрах, сводках и отчетах? Все равно там отражена лишь надводная часть айсберга, все остальное, самое интересное, откладывается в голове. А меня привлекает именно эта подводная половинка. Я никогда не поверю, что вы планируете свои действия, опираясь только на отчеты:

– Ну и напрасно, Жанна. Отчеты вполне объективны. В целом. Конечно, ты права, есть и небольшая подводная часть, но...

– Ой, Юрий Сергеевич, я прекрасно вас понимаю. Вы несете ответственность за каждое свое слово.

– Вот именно, Жанночка, вот именно. Каждое мое слово стоит дорого. Я – публичная персона. Любая ссылка на меня должна быть тщательно продумана и взвешена. И не должна допускать никаких трактовок. Черное – это черное, белое – белое.

– Но ведь мы же договорились – все, что можно озвучить, вы сами подчеркнете. Я никогда не опубликую текст, не дав вам ознакомиться с ним. А все, что вы скажете мне конфиденциально, если и будет опубликовано, то без всяких ссылок на источник. Это же элементарно. Я тоже в некотором роде профессионал.

Юрий Сергеевич в глубоком раздумье уставился на мои колготки. Все-таки зря я натянула мини. В следующий раз оденусь строго.

– И тем не менее, Жанночка, здесь не та обстановка. Казенные стены, твой диктофон. А то, чем я мог бы поделиться с тобой...

– Никаких проблем. – Я положила мундштук и выключила «Панасоник». – Это ведь не более чем инструмент, чтобы ничего не упустить.

– Для тебя – да, инструмент. И все же... то, о чем я могу рассказать, касается весьма влиятельных лиц, и я вынужден подстраховаться.

Включился селектор – мелодия Моцарта в исполнении микрочипа.

– Извини, – Юрий Сергеевич снял трубку. – Да, Алла. Так. Передай ему, пожалуйста, что у меня люди и я пока занят. И не соединяй ни с кем... Ну, где-то через полчаса. Спасибо.

Юрий Сергеевич повернулся обратно ко мне:

– Может, еще кофейку?

– Нет, спасибо, Юрий Сергеевич.

– Минералочки?

– Хорошо. Если не сложно.

– Ну что ты, Жанночка.

Юрий Сергеевич крутанулся в кресле, бойко вскочил и сделал пару шагов к небольшому холодильнику. Выглядел он подтянуто и стильно, чувствовалось влияние женской руки. Не то что мой упрямец Антоша – сколько ни говори о культуре гардероба, все равно может пойти на работу в черном костюме, красном галстуке и зеленых ботинках. Антон, как и я, – журналист, а наша работа, как и театр, начинается с гардероба. Тем более когда общаешься с «дорогой» клиентурой.

Вот Юрия Сергеевича убеждать в необходимости правильно одеваться не надо, все на месте, все в меру. Галстучек нужного колора, куплен не в подвальном шопе и не в галантерейной лавке. Минимум в «Бабочке», Баксов триста, если не пятьсот.

– Пожалуйста.

Пузырьки побежали вверх вдоль высоких стенок стеклянного бокала. Юрий Сергеевич налил и себе.

– Дело в том, Жанночка, что речь идет о весьма серьезных вещах. Коррупция, расхищение бюджетных средств... Очень важные персоналии. Хотя я, честно говоря, не боюсь, нет. Просто, пойми меня правильно, я не совсем уверен, что мне следует доводить данные сведения до прессы. Посуди сама, массовый читатель, может, и не догадается об источнике, но лица заинтересованные... Зачем мне это надо?

– А как же гражданский долг, совесть? – Я поставила стакан и закинула ногу на ногу. – Мы кричим, что хотим добиться перемен, что-то изменить в собственной жизни. Но когда нам представляется такая возможность, почему-то сразу прячемся в кусты. Вы ведь не такой, я давно слежу за вами. Как политик, да и как человек, вы мне очень импонируете.

– Спасибо, Жанночка. – Юрий Сергеевич не стал возвращаться за рабочий стол, а сел в кресло рядом со мной. – Я не отказываюсь выполнять свой гражданский долг, я, собственно, его всегда выполняю. По мере сил.

Повеяло ароматом Франции – Юрий Сергеевич не жалел средств на парфюм высшего номера.

– Но каждый шаг настоящего политика должен быть выверен с точностью до миллиметра. Бесцельных либо опрометчивых шагов допускать никак нельзя.

– А вы продемонстрируйте свою точку зрения! – Я пристально посмотрела в глубоко посаженные глаза собеседника. Он не смог выдержать моего взгляда и уставился на бутылку минералки. – Разве это вам помешает? Наоборот! Вас будут уважать и любить еще больше.

Юрий Сергеевич по-отечески улыбнулся:

– Не все так просто, Жанночка, ты слишком молода и в силу этого смотришь на вещи с несколько другого уровня.

– Ну, не так уж и молода, – надула я щечки. – Скоро двадцать пять.

– О-о-о! – рассмеялся Юрий Сергеевич. – Когда доживешь до моих тридцати семи, поймешь, что двадцать пять – это просто детский возраст. Эх, где она, молодость?

По данным адресного бюро Юрию Сергеевичу в мае стукнуло тридцать девять, но я, разумеется, вежливо промолчала. Впрочем, и мне, если честно, уже не двадцать пять...

– Поэтому прежде чем сделать шаг, я задаю себе вопрос – а нужно ли мне это? Действительно ли необходимо, чтобы люди знали? Не будет ли от этого хуже? Я тебя прекрасно понимаю, Жанночка. Для тебя на первом месте сенсация" скандал. Это твой хлеб, твоя нива. Но ведь я перво-наперво деловой человек, мой хлеб – в точном расчете. Надо смотреть на вещи глубже.

Юрий Сергеевич в настоящую минуту смотрел не на вещи, а на мое декольте. Так глубоко, что от его взгляда раскалилась моя цепочка с кулончиком.

– То есть вы не заинтересованы в публикации на эту тему? Очень жаль. Тогда посоветуйте, к кому я могу обратиться за помощью. Так или иначе, но я не собираюсь бросать начатое.

– Нет, Жанночка, нет, я разве сказал, что не заинтересован? Очень заинтересован, но... Наверное, это все-таки лучше обсудить не здесь. Здесь даже у холодильника есть уши, не говоря про стены.

– Неужели все так серьезно? – вполголоса спросила я.

– Я мог бы рассказать о таких вещах, которые вызвали бы не просто скандал. Например, про...

Юрий Сергеевич прервался и приложил палец к губам.

– Нет, нет, здесь я больше не скажу ни слова.

– Хорошо, тогда давайте встретимся еще раз. Где-нибудь на улице, в кафе... Там, где нас никто не сможет подслушать.

– Боже милостивый, неужели я в двадцать пять был таким же? Ты еще ребенок, Жанночка, а просишь, чтобы я рассказал тебе о государственных тайнах.

– Коррупция – это государственная тайна? По-моему, это преступление.

– Смотря в каком государстве. Знаешь, Жанна, я получаю от нашей беседы какое-то непонятное удовольствие. В тебе есть что-то очень детское, чистое... Я давно не встречал таких людей. В политике, в бизнесе столько грязи, столько мерзости. Ужасно устаешь, хочется взвыть, спрятаться, убежать. А человеку ведь необходимы и положительные эмоции. Должен быть баланс плюсов и минусов. А где их взять? Друзья уже не относятся к тебе как к другу, ибо ты пребываешь в ином измерении, в семье в тебе видят не мужа и отца, а фамилию и кошелек. Иногда так хочется выплеснуть свои чувства, направить на кого-то добрую энергию, в конце концов, поговорить искренне!

В порыве откровенности Юрий Сергеевич нечаянно двинул кресло в мою сторону, и его руки очутились в опасной близости от моих ног.

– Неужели у вас нет такого человека? При вашем могуществе, деньгах, уважении? В это трудно поверить, Юрий Сергеевич.

– Увы, это так, Жанночка. Да, я богат, но деньги здесь ни при чем. А положение, наоборот, не приближает ко мне людей, а отталкивает их. Меня стали бояться, передо мной лебезят, бегают на цирлах. А разве можно с такими людьми делить горечь или радость?

– Да, это ужасно, никогда бы не подумала, что вы одиноки.

– Ужасно одинок.

Юрий Сергеевич поднес руку с часами к глазам – вероятно, он был близорук. И, скорее всего, по той же близорукости опустил руку мне на колено.

– Однако время, Жанночка. Прости, что я с тобой разоткровенничался, но иногда это так необходимо.

– Я понимаю вас, мне порой тоже бывает одиноко. И все-таки, вы не хотите дать мне сведения?

– Вот и ты, Жанна, видишь во мне только источник информации. Это до слез обидно. Ну хорошо, я расскажу тебе пару историй, но, конечно, не здесь. И не в кафе, и не в парке.

– Да, да, я подъеду куда скажете. Юрий Сергеевич убрал руку с моей ажурной коленки.

– Я тебя сам заберу. Сегодня в шесть подходи на угол Лиговки и Разъезжей. У меня темно-синяя «вольво», сразу увидишь.

На всякий случай я решила уточнить:

– А куда мы поедем?

– Есть у меня неплохое место на примете. Там спокойно, уютно. Никто не помешает и не подслушает. И главное, там приятно просто отдохнуть. Я лично под вечер ужасно устаю. Тебе понравится.

– Вообще-то для меня главное материал... Хотя я тоже не железная. Иногда так хочется абстрагироваться.

– Ну и договорились. Ой, кстати, – легко рассмеялся Юрий Сергеевич. – Мне почему-то вспомнился Северянин. Ты любишь Игоря Северянина?

– Может быть, я не читала.

– Напрасно. Вот эти строки:

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов,
Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков...

Юрий Сергеевич поднялся с кресла и вернулся за стол. В глазах появился озорной мальчишеский блеск. Целебная сила минералки.

– А нам хватит времени? – Я тоже поднялась и поправила локон, который до этого накручивала на палец. – Я не слишком обременяю вас?

– Если не хватит, можно встретиться еще раз. К примеру, я могу рассказать о... Вот когда встретимся, тогда и видно будет. И многое, если не все, зависит, Жанночка, только от тебя.

– Я постараюсь, Юрий Сергеевич. – Я взяла диктофон и спрятала его в сумочку. – Тогда до шести?

– До шести, Жанночка. Да, и еще... Надеюсь, все сугубо...

– Конечно, Юрий Сергеевич.

После вечерней встречи Юрий Сергеевич подкинул меня до метро. Предлагал до дома, но я решила проветриться и прогуляться пешком. До закрытия станции оставалось десять минут, и я как раз успеваю.

Мы с Антошкой живем в «спальнике», далековато от центра, зато экология.

Я попрощалась с Юрием Сергеевичем, поблагодарила и спорхнула в подземный переход. Материалы, в самом деле, оказались любопытными и, главное, скандальными. Кое-где кое-что

подработать, перепроверить – и в печать. Дня три работы. А гнездышко вполне, на уровне VIP...

В окне нашей квартиры горит свет. Антошка не спит. Ждет меня. Или ковыряется со своей техникой. Он у меня радиолобитель. Говорят, экстракласса. Журналистика для него так, случайные заработки. Печатается он не часто, в основном в технических журналах.

Перед подъездом – наша старенькая зеленая «копейка». «Лягушонок», как я его называю. Подарок Антошкиных предков. Копим на «девятку».

Я поднимаюсь в лифте. Ужасно хочется спать.

– Раньше, до финансового кризиса, в критические дни я ломала голову над проблемой выбора прокладок: «Олвейз», «Либресс», «Тампакс»... Иногда даже приходилось комбинировать. Но теперь такой проблемы передо мной не стоит. «Ватта»! Надежно, просто и сухо. Я могу играть хоть в мяч, кататься в лифте, стоять в очереди – теперь мне уже все равно. «Ватта» заботится о нас...

– Убавь звук, пожалуйста, сбивает. Я вытянула руку с «лентяйкой» и уменьшила громкость.

– Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять... – Антошка пересчитывал купюры, складывая их стопочкой. Закончив, перетянул резинкой и спрятал в маленький сейф.

– Как в аптеке.

– Конфузов не было? – спросила я.

– Как видишь. Да их в принципе не могло быть. Все эти персоны VIP начинают трястись, как эпилептики, когда речь заходит о репутации. Ни в ментуру, ни к братишкам не побегут. В ментуру сунешься – засветка, к братишкам – себе дороже. А так отмаксал «Франклинами» – получил кассету. За все надо платить. Стишки читать мы все горазды, а коснись чего... Сначала, правда, плакался насчет кризиса, мол, валюты нет, всю сдал. Я долго не уговаривал. Сказал, что у других наверняка есть. Заплатят с радостью.

– А вообще он как?

– Ну, поохал, конечно... Сейчас, наверное, службу в сауне строит и кирпичи разбирает в поисках видеокамеры. Тебя-то он вряд ли будет искать, ведь не ты же ему стишки читала. Тем более что на кассете ты тоже в полный рост... Классно работаешь. Как в кино.

– Ничего получилось?

– Да, но в следующий раз клади сумочку поближе. Особенно когда плохое освещение. Дай ее сюда, кстати.

Антоша взял мою сумочку и открутил замок. Осторожно извлек «глазок» и переложил его в специальную коробочку.

– И поосторожнее. Вещь хрупкая, сумкой попусту не размахивай. И еще. Когда в «тачке» едете, ты клиента разговорчиками отвлекай, а то ведь на нашем «лягушонке» только и гоняться за всякими «вольвами»... Вот на «бээмвэшку» скопим, тогда... Ну надо же, и этот козел тебя в сауну потащил.

– А куда еще-то? Не домой же и не в гараж. Вообще у них никакой фантазии. Давайте отдохнем, давайте отвлечемся... Ну и шел бы отдыхать в Парк культуры и отдыха. На карусели.

– Так зачем тут фантазировать? Они люди занятые, фантазировать некогда... Ужинать будем?

– Да, я умираю с голода.

– Тогда к станку. А я пока аппаратуру из машины заберу, чтобы не свистнули, да мускатика твоего любимого возьму. Отметим.

Антошка уходит. Я иду на кухню. Режу сыр и помидоры. По радио плачутся про кризис. Надоело. Я выключаю.

С сенсацией я, пожалуй, повременю. Дорог шампунь к перхоти. Тем более что газета платит по старым, до кризисным ценам, которые и раньше были очень невысокими.

На завтра договорилась о встрече с эстрадной звездой. Интервью. Надо еще успеть погладить новое платье. По одежке встречают...

Возвращается Антошка. Мы садимся за стол, зажигаем свечу, разливаем по бокалам мускат.

– Я люблю тебя.

Нисколько в этом не сомневаюсь. Антон не умеет притворяться. По крайней мере, передо мной.

Я тоже. Перед ним.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Леночка полила кабинетный кактус, спрятала в угол бутылку и опять начала донимать Марину:

– Маришка, да не будь ты душой-то. Какие угрызения, ты что? Он, гаденыш, жизнь тебе испортил, а ты тут про совесть говоришь. У тебя сейчас такой шанс! Не хочешь – передай дело мне, я уж доведу этого красавца до Сибири. На совесть отработаю. Другие дела брошу, но здесь оттянусь!

Марина посмотрела на подругу-коллегу.

– Я тоже хочу на совесть. А ты не задаешься вопросом – почему это дело отписали именно мне, а?

– Да случайно! В отделе сотни дел! У нашего шефа, по-твоему, «Пентиум» вместо головы, чтобы помнить, кто с кем тра... Кто кого любил, точнее. – Леночка отличалась врожденной прямоотой и, как правило, рубила с плеча. – Это чистое везенье! И не раздумывай ты. Печатай постановление на арест, дуй к прокурору за санкцией, и пускай Сережа вместо Сан-Тропе едет на Арсенальную набережную отдыхать. Там тоже ничего курорт. Загорит и поправится. Правда, загар в клеточку будет. А еще я оперу знакомому позвоню, чтобы ему там сауна-парилку с массажем приготовили. Так отпарят, что угорит.

– Прекрати. – Марине надоело слушать Ленкину трескотню. – Дело высосано из пальца, где ни открой – откровенная липа. Любой следак тут же прекратил бы его. Допросить как следует этих вот свидетелей, затребовать кое-какие бумаги, и все – нет состава. Скорее всего, поэтому мне его и расписали. Чтобы я эту «липу» превратила в статью.

– Ну, как хочешь.

Леночка пододвинула машинку и, решив больше не спорить, забарабанила по клавишам.

Марина с минуту рассматривала плакат-календарь Тома Круза, затем снова открыла дело:

"Тов. Макеева М. А. Прошу принять дело к производству, расследовать и направить в суд. Начальник СО ¹ подполковник юстиции Карамзин С. П."

Статья обвинения сто пятьдесят девять, часть первая. Мошенничество. До трех лет.

Здравствуй, Сережа...

...Они спрятались от дождя в подъезде. Дождь застал врасплох, обрушился неожиданно и яростно. Обидно, ведь с утра было так классно.

Сергей схватил Маришку за руку, и они, перепрыгивая через мгновенно появившиеся лужи, устремились к дому.

– Как говорил мой дедушка-эфиоп, это вам не экватор, – Сергей стряхнул воду с головы. – Промокла?

– Не сахарная, – улыбнулась Маришка. – Контрастный душ полезен для сердца.

– Держи, – Сережа снял пиджак и накинул на Маришкины плечи.

– Сейчас дождь смоеет все следы, – сказала она, глядя, как капли лупят по стеклу и разлетаются искрящимися осколками.

– Ах ты, мой следователь... – Сергей обнял Маришку и стал гладить по волосам. – Не можешь без своих бандитских сюжетов. Даже со мной.

– Я не следователь, я только учусь.

– Но взятки помогают нам творить настоящие чудеса, – закончил, рассмеявшись, Сергей.

– Какой ты...

¹ СО – следственный отдел

– А что поделывать? Все мы на самом деле такие. Просто кто-то умеет преподнести свои грехи в виде добродетели, а кто-то – нет.

Сереза сильнее прижал Маришку к груди.

– Согрелась, малыш?

– Да я и не замерзала. А может, ты и прав. Гораздо противнее, когда грех наряжают в одежды святости. Лучше уж цинично, но искренне...

Маришка положила руки на Серезины плечи. Подъезд больше походил на катакомбы, нежели на парадный вход особняка, принадлежавшего ранее каким-то дворянам. Лестница на второй этаж рухнула, и жильцы перекинули через дыру несколько досок, по которым и добирались до квартир. Впрочем, сейчас Маришка не обращала на окружение никакого внимания. Ей было уютнее, чем в самом роскошном дворце.

Насчет учебы она немножко приврала. Университетская учеба закончилась год назад. В принципе, Марина готовила себя к адвокатской практике. Она считала, что защищать людей гораздо благороднее. Финансовые вопросы будущей профессии основной роли не играли. Родители заботились о единственной дочери, совершенно искренне полагая, что на материальную сторону жизни Марина отвлекаться не должна. Она никогда ни в чем не получала отказа от мамы с папой. Прошлые каникулы провела в Париже. Так было здорово...

В следователи ее уговорила пойти Ленка. Во-первых, за компанию, а во-вторых, чтобы стать классным адвокатом, надо посидеть и в противоположном окопе. Марина подумала и приняла оба аргумента. Вот уже год, как они с Ленкой занимают общий кабинет в следственном отделе районного управления внутренних дел: Учебная практика.

С Серезей она познакомилась тоже год назад – на дискотеке в ночном клубе. Он был старше на пять лет. Пробовал себя на ниве коммерческого купечества, закончив торговый институт. На дискотеку его притащил приятель, сам Сергей подобных развлечений не любил.

Под утро он проводил Маришку до дома, а через день пригласил в ресторан. Еще через неделю сказал, что любит ее...

Небо разорвало молнией. К дождю прибавился град. От громового раската Марина невольно вздрогнула и зажмурилась.

– Не бойся, – прошептал на ушко Сереза. – Я никому не позволю тебя обидеть, зайчонок...

После его признания в любви Марина не знала, как себя вести. Сереза был ей симпатичен, даже, наверное, более чем, но любовь, как ей казалось, должна захватывать мгновенно. Хватать и не отпускать. Впрочем, может, это пережитки детства. К тому же существовал еще Костя, сокурсник, долго ухаживавший за ней и не терявший надежды на взаимное чувство. И как знать, если бы не встреча с Серезей...

Костя сох по ней, во всем помогал, даже делал за нее курсовые. Не говоря уже о подарках, покупаемых на деньги, вырученные от торговли газетами по вечерам. Она ничего не обещала Косте, от разговоров на амурные темы уходила, но и категорически не отказывала. Ну, любит мальчик, что ж, запрещать ему? Пускай любит. Однако долго так продолжаться не могло, какой-то ответ Косте дать придется. Потом она вдруг поняла, что ей будет ужасно не хватать его, к тому же кто знает, полюбит ли кто-нибудь ее так, как Костя?

Маришка не считала себя красавицей, а вон какие крали, и те от одиночества страдают... Поди загадай, как там дальше обернется. И она решила, что через неделю осчастливит Костика. И, возможно, себя. Но на другой день Ленка потащила ее в ночной клуб, на дискотеку. Счастья с Костей не получилось.

А после месяца свиданий с Сергеем она уже твердо была уверена, что мгновенная любовь вовсе не обязательна, полюбить можно и через месяц, и через год. У всех это по-разному.

Сереза никогда не заводил разговоров о свадьбе. Как-то однажды, когда она, можно сказать, случайно заикнулась об этом, он поцеловал ее и ответил, что все будет хорошо, надо

немного подождать, пока он не встанет на ноги. Бизнес – штука такая, от банкротств и обвалов рубля никто в наше прекрасное время не застрахован, и, прежде чем думать о саночках, надо подумать о горке.

Марина находила в его словах резон и не спешила. Тем более что все было просто замечательно. В том числе и с постельным режимом.

Сегодня они решили прошвырнуться по центру – просто так, без всякой цели. Побродить в обнимочку. Доехали до Невского на метро и отправились выгуливаться, заглядывая в магазины и кафе. Погода баловала редким солнцем, как вдруг – на тебе, дождь, да еще с градом.

Ну и пусть, мелочи это. Главное – Сережа с ней...

...Марина очнулась. Ленка по-прежнему барабанила обвинилровку.

Адвокатом Марина так и не стала. Втянулась, привыкла. Год, второй, третий... Да и все равно уже. Какая разница? Тут хоть Ленка, есть кому при случае на грудь упасть.

Она какая-то более везучая. Что в универе, что на работе, что в личной жизни. Вроде ни ума, ни фигуры, ни лица. А как прет. Замуж за актеришку выскочила. Актеришка был так себе, перебивался с хлеба на воду, в роликах рекламных снимался да Дедов Морозов на Новый год играл. А потом случайно попал на площадку к всенародно любимому режиссеру и засветился на большом экране. Очень удачно засветился. Тоже стал народным любимцем. Никаких больше Санта-Клаусов. Сейчас почти в каждой новой киношке отсвечивает. Ленка дочку родила, уже четыре скоро. В декрете не сидела – скучно.

Марина перевернула страницу, стала разбираться в каракулях дежурного следователя. Постановление о возбуждении, протокол заявления... Дело возбуждено вчера. Материал подготавливал опер из ОБЭПа. Косицын. Он принял заявление, опросил людей, вызвал следователя.

Фабула дела банальна – Сережа взял в долг и не вернул. Сумма, в принципе, внушительная, для потерпевшего ущерб значительный. Странно, обычно такими вариантами занимаются опера из уголовки, а не обэпники. Про Косицына по РУВД ходили не самые лестные слухи – взятки, поборы, заказные уголовные дела. Вполне, вполне – «мерсачок» и «мобилку» от щедрот министерства не купишь.

Прочитав дело первый раз, Марина не поняла, зачем его вообще возбуждали. Следственный отдел завален более серьезными составами – грабежи, разбой, кражи. Шеф на последнем совещании сам дал негласную команду – если есть возможность помирить стороны или свести конфликт к гражданско-правовым отношениям, дела не возбуждать. Отправлять людей либо в гражданский суд, либо «разводить» на месте.

А здесь в чистом виде гражданско-правовые разборки, в деле даже Сережина расписка долговая есть, ну и шел бы ущемленный товарищ прямиком в суд/ Сергей второй день сидел в ИВС², дежурный следак запер его на трое суток. Тоже не ясно зачем. Сергей от долга не отказывался. Да, занимал, вернуть обещал, даже с процентами, но в связи с финансовым кризисом не успел. Из-за обвала рубля фирма понесла бешеные убытки, и свободной налички не оказалось. Он позвонил кредитору и объяснил ситуацию. Тот сказал:

«Старик, ну какой базар, мы порядочные люди. Конечно, подожду, я все понимаю...»
Понимать-то понимает, но тут же в ментуру заяву накатал.

Марина нашла домашний телефон вчерашнего дежурного следователя. Молодой парнишка, всего второй месяц в следственном отделе. Может, по неопытности не разобрался?

– Алло, Миша? Не разбудила? Ну извини. Это Марина Макеева. Я по поводу Измайлова звоню, которого ты по «соточке» закрыл. С чего это ты? Там в чистом виде «гражданка». Ты что, спал на последнем совещании? Шеф икру метал как раз по поводу долговых разборок.

Миша прокашлялся и сонным голосом принялся оправдываться:

² ИВС – изолятор временного содержания

– Ага, на это дело сам шеф меня и дернул. Езжай в ОБЭП, говорит, возбуждай мошенничество, Измайлова на трое суток в изолятор. А дельце, согласен, гниловатое. Но раз шеф сказал... Косицын, кстати, травой стелился. Чайку, кофейку, водочки... Так что, Марина Александровна, все вопросы к нашему дорогому и любимому командиру.

Марина сказала «спасибо» и положила трубку.

– Ну что? – оторвалась от клавиш Ленка.

– Ничего, – буркнула Марина.

Она перевернула следующую страницу и посмотрела на адрес заявителя. Ни он, ни Сережа не жили на территории, обслуживаемой их райуправлением. Хотя деньги он передал здесь, на нашей территории, при свидетелях. Возле метро. А Сережа что показывает?

Марина нашла протокол допроса Измайлова.

«Деньги Игорь передал мне в своем офисе на Коломяжском проспекте».

То есть на другом конце города. Все понятно. Какая для заявителя разница, где он стал жертвой мошенничества? Да никакой, по большому счету. Что один район, что другой. Но здесь он настаивает принципиально – возле метро, и все тут. В нужном районе.

Марина закрыла дело, швырнула его в стол и громко хлопнула дверцей.

– Ты ж сама этого ждала! Забыла, как ревела? «Будет возможность, я ему устрою!» Так вот оно, само в руки идет! Жалость разыграла? А он тебя пожалел?

– Алён, есть такая примета. Народная. Если выключателем не щелкнуть, то и свет не зажжется. Это я к тому, что само в руки...

Спор прервал телефонный звонок.

– Да? – сняла трубку Марина.

– Мариша, приветик, ласточка, это Гриша Косицын. Как настроение?

– Спасибо, хорошее. Только я не Мариша и не ласточка. – Марина терпеть не могла, когда едва знакомые люди, пускай даже из одного ведомства, начинали фамиллярничать. – Что вы хотели?

Косицын сменил слащаво-компанейский тон на более официальный.

– Я по поводу Измайлова. Как насчет ареста? Надо бы товарища оприходовать. Редкостный гад.

Он у нас не первый раз с долговыми фокусами светится.

– В деле этого нет, – сухо ответила Марина.

– Ну, не все же в дело можно поместить. Это оперативная информация. Так как насчет ареста?

– При таком раскладе прокурор никогда не даст санкцию. Тем более что Измайлов готов вернуть деньги. И вообще, я не понимаю, зачем возбудили это дело. Для «палки»?

– Обидно, что такие ухари на свободе гуляют да народ обувают. Сразу не поймай, завтра с десятков обует, денег соберет и во власть... А насчет прокурора не беспокойтесь. Все будет согласовано. От вас только постановление на арест требуется. Статья позволяет, да и вам спокойнее работать – не надо за человеком бегать и вызванивать.

– Я за ним бегать не буду. И позвольте напомнить, что я процессуально независимое лицо и сама могу принимать решение.

– Да я и не настаиваю, просто рекомендую.

– Благодарю. Извините, у меня люди. Марина повесила трубку, поднялась из-за стола. Теперь она окончательно убедилась, что дело отписано ей не случайно, с точным прицелом – уж кто-кто, а ОНА Сережу арестует.

– Я в изолятор, когда вернусь, не знаю. – Марина опять открыла стол, достала дело и переложила в сумочку-«дипломат».

– К нему?

– Да. Хочу передопросить.

– Мариша, только не будь опять душой. Он же перед тобой сейчас на колени рухнет, снова охмурять начнет. Не вздумай слабость показать. Главное – в руках себя держи. Гордость у тебя есть, в конце концов?

В троллейбусе было свободно, но Марина не стала садиться, до изолятора всего пара остановок. На заднем сиденье враскоряку целовалась парочка, ни на кого не обращая внимания.

Дежурный показал на свободный следственный кабинет и попросил подождать минут пятнадцать – в изолятор привезли обед. Марина кивнула и села на привинченную к полу скамеечку. Закрыла глаза.

«Интересно, он сильно изменился? За три года?..»

– ...Ну, козел!.. Что натворил?! Похороню урода!

Сергей выскочил из машины, подлетел к хозяину «Москвича» – плешивому шуплому мужичку лет пятидесяти – и коротким, умелым ударом в скулу свалил его на асфальт. Падая, мужичок зацепил бампер своего «четыреста двенадцатого», вскрикнул от боли и свернулся калачиком, обхватив голову руками.

Сергей не успокаивался. Носком ботинка он яростно пнул дядьку в спину и, когда тот выпрямился, схватившись за поясницу, саданул каблуком в живот.

Украдкой взглянул на Марину. Видит ли она?

Марина видела.

Плешивый захрипел, вытягивая вверх руку.

– Не надо, пожалуйста, не надо... Я заплачу, все исправлю. Ну пожалуйста...

Сергей поддал ногой по заднице лежавшего.

– Что ты мне отдашь, срань Божья?! Я металлолом не собираю. Ты, бля, очки сначала купи, а потом за руль садись!.. Н-на!

Марина вышла из «девятки», испугавшись, как бы Сергей не перегнул палку.

– Сережа, успокойся, я тебя прошу. Он все заплатит. Ты ведь сам виноват, летел как сумасшедший.

Марина схватила Сергея за руку, пытаясь оттащить в сторону. Он вырвался, оттолкнув ее обратно к машине.

– Сядь в «тачку»! Быстро! Сами разберемся, кто виноват. Ты посмотри сначала, что это чмо наворотило! Я его просто пришибу!

Он присел на корточки и пару раз врезал мужичку по лицу. Тот схватился за разбитый нос и как-то по-детски заревел:

– Ой-ой-ой-ой...

– Прекрати! – закричала Марина. – Я сейчас уйду!

На вечерней, точнее, уже ночной улице, как назло, никого не было.

– Ты совсем с ума сошел! Ты ведь убьешь его! Успокойся, Сережа.

Сергей опустил поднятую для очередного удара руку.

– Благодарю Бога, козел, что она со мной, а не то б...

Мужик судорожно закивал головой, давая понять, что он признателен Всевышнему. Сергей выпрямился, плюнул в сторону, откинул челку. Он хотел выглядеть в глазах Марины крутым, решительным мужиком, способным разобраться с каждым, кто встанет на его пути. Пусть знает, какой у нее «мэн».

Он вернулся к машине, осмотрел повреждения. В принципе, не страшно. Треснуло стекло фары, оно копейки на рынке стоит, плюс раскололась пластиковая отделка бампера – тоже, в общем-то, ерунда.

– Ну блин, штуки на две опустил, – вслух произнес Сергей. – Ты, малыш, посмотри! Только-только машину купил! Ну что за непруха!

Он достал из салона ручную сумочку-"визитку", нашел авторучку, потом, секунды две подумав, бросил все обратно в машину и подошел к лежащему владельцу «Москвича». Перевернув мужика на спину, сунул руку ему за пазуху и извлек документы.

– Когда заплатишь, получишь назад. Я позвоню, когда и куда привезти «бабки». Начнешь блудить – молись. Ты видел, я «Санта-Барбару» не развожу. Замочу к чертовой матери, как клопа.

Мужичок опять закивал.

– Да, да, конечно...

«Москвич» пострадал гораздо сильнее – правым боком зацепил дорожный столбик, выворотив его из земли. Крыло разорвало, передняя дверь «ушла» в салон. Хорошо, что мужичок ехал один.

...По большому счету в аварии был виноват Сергей. Они возвращались из театра, машин на улицах почти не было, и Сергей решил продемонстрировать Маришке, что умеет его купленная на прошлой неделе красавица. Разогнался до соточки. Марина пыталась успокоить Сергея, но это его только подзадоривало.

«Москвич» выехал на перекресток справа, и Сергей обязан был его пропустить. По правилам. Но при чем здесь правила, если он на крутой «тачке»? И когда стоха на спидометре? Корыто пускай пропускает. Может, Сергей просто не знал, у кого главная дорога. Права он купил всего две недели назад и за рулем чувствовал себя не очень уверенно.

Водитель «Москвича», поняв, что столкновение неизбежно, крутанул руль вправо, нажал на педаль тормоза и сумел уйти от столкновения, пожертвовав боком своей машины. Однако удар о столбик отбросил автомобиль, и «Москвич» все-таки зацепил «девятку», разбив ей фару.

Свидетелей столкновения поблизости не оказалось, и Сергей понял, что в споре победит сильнейший. Мужичок на голову ниже, прост и неказист, а у Сергея за плечами пять лет на любительском ринге, поэтому вопрос «Кто виноват?» даже не вставал.

Сергей завел двигатель, пару раз газанул на холостом ходу. Двигатель не пострадал, что радовало.

– Садись! – крикнул он стоящей в метре от машины Марине.

– Может, все-таки ГАИ вызвать?

– Садись! – более резким тоном повторил он.

Она послушалась.

Мужичок встал на колени и, зажимая скомканным грязным платком разбитый нос, пополз к своему «Москвичу». Марине стало ужасно жалко мужичка, ей захотелось выскочить из машины, как-то помочь, хотя бы словом, но Сергей включил передачу, газанул, и мужик остался в одиночестве.

Сергей продолжал ворчать, что-то говорил про цены на запчасти, про «чайников» – лохов за рулем и про невезение.

Марина не слушала, сидела, уставившись в лобовое стекло.

– Обязательно надо было его бить? – спросила она, когда машина притормозила у подъезда.

Сергей положил руку на ее плечо, поцеловал в щеку.

– Время такое, малыш. Не ударишь ты, ударят тебя. Сейчас надо бить первым, только первым. Ты это запомни.

– Меня ты тоже ударишь, если я нечаянно твою машину поцарапаю?

– По-моему, малыш, на тебя плохо подействовал спектакль. Больше мы на такие мероприятия не поедem.

Он еще раз поцеловал ее, протянул руку на заднее сиденье и достал розочки.

– Ну, если честно, то да, я погорячился. Прости, этого больше не повторится. Наверное, на меня тоже плохо подействовал спектакль.

Он улыбнулся и протянул ей цветы.

– До завтра, малыш... Ну пожалуйста, прекрати дуться из-за каждого пустяка. Нормально все. Не поезжу пару дней на машине, и все... Спокойной ночи.

Он обошел машину и открыл правую дверь. «Да, это, конечно же, нелепая случайность. Я ведь знаю, какой он на самом деле. Добрый, заботливый, хороший. И он признал, что был не прав».

– Спокойной ночи, любимый...

В коридоре завывала сирена – кто-то зашел в изолятор, – и дежурный секунд пять возился с кодом, пока не отключил «ревун». Сирена вернула Марину в реальность. Девушка вздрогнула, взглянула на часы. Пора бы уж отобедать господам арестантам.

Марина вышла из следственного кабинета, пересекла коридор.

– Николай Михайлович, как там Измайлов, не откушали?

– Минут десять еще, Марина Александровна. – Дежурный снял с пояса связку огромных ключей и, выбрав нужный, полез в сейф. – Машина с обедом подзадержалась. Посиди чуток.

Обед в изолятор привозили со стороны, в здоровых термосах. Штатного шеф-повара райотдел не имел.

Марина посмотрела на сейф.

– Вот еще, кстати. Мне надо осмотреть вещички Измайлова. У него что-нибудь изымали?

– А как же! У них всегда есть что изъять, любят капиталисты побрякушек на себя понавешать. У некоторых на целый ювелирный магазин товара наберется.

Николай Михайлович покопался в сейфе, достал газетный сверток и положил на стол.

Марина развернула газету. Бумажник, ключи, расческа. На веревочке печатка с инициалами... Колечко. Обручальное. Тоненькое, стильное.

– Не хотел снимать, – Николай Михайлович заметил, что Марина остановила взгляд на кольце. – Но я все отнимаю. Один гаврик плакался про любовь – не забирайте колечко да не забирайте. Я по глупости распереживался, не изъял. А он в номере им и закусил. Проглотил, гад. Думал из больницы после операции сдернуть. Брюхо разрезали, «гайку» достали, а больного к нам, обратно. Так что я теперь все выгребаю.

Марина распотрошила бумажник, принялась – перебирать визитки. Карточек было несколько, все разные. Трудовой путь Измайлова Сергея, человека и президента. Да, это в его ключе. Минимум президент. Неважно чего, но президент.

Колечко отражало свет настольной лампы. Новенькое, почти без царапинок. Цепочка. С висюлькой. Маленький скорпион. Ее подарок. На день рождения.

Марину заколотила внутренняя, невидимая дрожь, лицо обожгло раскаленным ветром. Она прислонилась к стенке, боясь не удержаться на ставших ватными ногах.

Впрочем, приступ длился не более секунды – она считала себя сильной женщиной, к тому же годы, проведенные в следственном отделе, закалили волю и характер. Николай Михайлович ничего не заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.